

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ИМЕНА МАГНИТКИ | Наталья Веремеенко стала 101-м почётным гражданином города

# Симфония жизни



ФОТО: ЕВГЕНИЙ РУКМИЛЕР

РИТА ДАВЛЕТШИНА

Она – крупный руководитель и, безусловно, одна из ключевых в музыкальном Магнитогорске фигур. Но есть то, что всегда выделяло Наталью Веремеенко: есть в её взгляде и улыбке что-то родное, тёплое и даже материнское. Ректор консерватории, член областной комиссии по культуре и городской общественной палаты, Наталья Николаевна получила звание «Почётный гражданин Магнитогорска» и считает его главным достижением в своей жизни. Потому что очень любит свой город.

Первый ректор консерватории Александр Якупов много занимался общественной работой: «пробивая» для Магнитки консерваторию, «выбивая» здание профилактория «Солнечный» под общежитие для

студентов, открывая театр оперы и балета, он должен был, если уж не дружить с властями, то хотя бы взаимодействовать с ними. Сейчас вроде бы всё стабильно. Зачем же вам общественные нагрузки?

– Александр Николаевич в буквальном смысле творил в Магнитке историю. Иногда журналисты, забываясь, пишут: консерватория появилась под руководством Веремеенко. Заявляю: в те времена грандиозная идея о консерватории, театре оперы и балета могла прийти в голову только одному безумцу – гению Александру Якупову. Другое дело, что за ним стоял коллектив, поддержка которого помогла претворить эти идеи. Но Александр Николаевич никогда не был утилитарен, чтобы заниматься общественной деятельностью в угоду интересам консерватории. Я часто говорю: искусство не может жить на Грязнова, 22 – или это не искусство. Тончайшей плёнкой оно покрывает весь социум и может называться искусством только если пребывает в общем с ним процессе. Почему занимаюсь общественной

деятельностью? – потому что идут люди. И это понятно, ведь долгие годы в этом кабинете работал Семён Григорьевич Эйдинов – великий просветитель и общественный деятель. Так что это не я влияю на своё место, а оно – на меня. Но мне это даётся легко: я родилась в Магнитке и прожила здесь всю жизнь. Это всё моё, родное: с кем-то я училась, кто-то учил меня, кого-то учила я.

– Отучившись в консерватории Ростова, вы вернулись в Магнитку. Так тянуло к родителям или заразил патриотизмом ваш учитель Юрий Писаренко?

– Понимаю, что слова об удивительном магнитогорском характере затёрты. Но что делать, если так оно и есть? В Ростове снимала квартиру – общежитий тогда ещё не было – с девочкой из Севастополя. Однажды рассказывала ей о Магнитогорске. Вдруг она прервала меня раздражённо: «Знаешь, у других тоже родина есть» – видимо, что-то в моём рассказе было такое, что, похоже, задело и даже обидело её. Юрий Георгиевич Писаренко – человек, сыгравший удивительную роль в моей судьбе. Училась у него двенадцать лет, и это были годы не просто общения, а труда, постижения, рассуждений... На вступительных экзаменах в Ростове я играла концерт Прокофьева, аккомпанировал мне Михаил Стоянов, ставший впоследствии ректором академии имени Гнесиных. Он сказал: «Удивительно, из такой Тмутаракани – и с такой школой!» Леонид Николаев, основоположник фортепианной школы Ленинградской консерватории, говорил: учитель должен согреть ученика и научить пристальности взгляда. Нотная грамота – все эти точки и закорючки – не имеют к музыке никакого отношения. Это шифр. Многие учителя сразу дают расшифровку. А настоящие – учат читать его самих учеников. Не только в музыке, но и в жизни. И Юрий Георгиевич нас учил собственным примером патриотизму. Он всегда говорил: Магнитка дарит ощущение причастности к большому делу.

– Вы боитесь вас рассердить, но, думаю, та причастность – дела давно минувших дней, когда весь город знал о промышленных достижениях комбината и ходил на концерты хоровой капеллы... А сейчас всё как-то обмельчало...

– Странно слышать это от журналиста, который, казалось бы, должен знать больше. Сегодня на базе консерватории происходят уникальные события.

– Вы имеете в виду ассамблеи?

– Ассамблеи – давно уже повседневное мероприятие, на которое съезжаются со всей страны. Только один пример: у нас проходят два уникальных международных конкурса – камерного исполнительства имени Татьяны Гайдамович и хорового дирижирования имени Семёна Эйдинова. Они собирают музыкальную элиту мирового уровня. Магнитогорск никогда не был культурной провинцией, и в этом заслуга наших предшественников. Нам остаётся лишь, как в пословице: «Вытянуться в нитку – не подвести Магнитку», чтобы держать уровень.

– Я не о том. События выдающиеся в музыке и других сферах происходят регулярно. Но раньше о них говорил весь город – было чувство сопричастности.

– В этом вы правы. Но это беда не только Магнитогорска. Раньше было меньше политики и борьбы за деньги. Сейчас сместились акценты. Нельзя сбрасывать со счетов и развитие телевидения и Интернета. Раньше, чтобы послушать Оборина, нужно было купить билет на его

концерт. Сейчас достаточно скачать запись прекрасного качества из Сети или включить телеканал «Культура». Когда-то у консерватории была задача образовательная и по наследству от Семёна Григорьевича Эйдинова – просветительская. Остальным занимались Росконцерт, филармония и другие организации. Сегодня мы почти всё несём на себе, приглашая в город классических музыкантов. Ведь постичь исполнительское мастерство только в классах невозможно: нужно слушать мастеров, сравнивать интерпретацию произведений... А комбинат, город и бизнес-структуры нам помогают. И всё то, о чём я с гордостью рассказываю, мы бы одни не потянули. В этом году 75 лет исполняется системе магнитогорского художественного образования – в 1939 году открылось музыкальное училище, выпустившее огромное количество уникальных музыкантов. К примеру, в 1965 году диплом получил дирижёр Геннадий Дмитриак, ныне художественный руководитель и главный дирижёр капеллы имени Юрлова – ведущего хорового коллектива России и мира.

– Эх, его бы пригласить на юбилей!

– Пригласили. И он едет со своим коллективом. Евгений Тефтелев сказал, что это будет красивый юбилей, город отметит его широко. В продолжение вашей темы. В советские годы правительство ставило перед комбинатом не только производственные задачи: учить, лечить, развлекать и воспитывать горожан также должно было предприятие. Сегодня это акционерное общество, и задача у него одна: обеспечить работников. И слава богу, что, не в пример другим предприятиям, ММК не отказался от социальной миссии и участия в городских событиях.

– Александр Якупов так охарактеризовал вас в начале вашего ректорства: «Наталья Николаевна, бесспорно, наидостойнейший человек и профессионал. Её единственный недостаток – она женщина, причём добрая – с таким качеством и управлять сложно». Он оказался неправ?

– (Смеётся). Не знаю. Не могу назвать себя принципиальной – наоборот, всегда иду в ситуации то, что можно взять на вооружение, стараюсь никого не обидеть. Но когда кто-то меня спросил: «Чего вы никогда бы не сделали?» – поняла, что таких табу у меня много. И даже не потому, что я такая хорошая. Просто это некрасиво – это ранит моё этическое и эстетическое естество. Такой меня воспитали родители, от которых никогда не слышала слов «надо» или «нельзя». Мама считала, что это насилие. Помню, когда переезжали с левого на правый берег, я не хотела – все подружки оставались там. И вдруг бабушка говорит: «Это вообще не твоё дело». Я была потрясена! Потому что со мной всегда считались, как с равной. О том, что я росла в удивительной атмосфере уважения, мне сказал даже один графолог – прочитал в сложных завитках моего почерка.

– Ваша мама случайно не дворянских кровей?

– По папиной линии. Дед оставил мою бабушку именно потому, что его мать так и не смирилась с мезальянсом сына. Мама – ленинградка, блокадница, ей было шестнадцать, когда началась война. И, как в кадрах хроники, где на саночках увозили умерших с голоду, она отвезла на кладбище маму и бабушку. Её вывезли по Ладоге, в самый страшный первый год блокады, когда дорогу жизни постоянно бомбили. Маму эвакуировали в Уфу, где она встретила моего папу и оказалась с ним в Магнитогорске. После войны они приехали в Ленинград. В маминой квартире, понятное дело, давно жили другие люди, но вещи, как ни странно, не были разграблены, а

хранились у коменданта. Мама забрала лишь зеркало, которое «живо» по сей день, и фортепиано. В Магнитке она снова пошла учиться музыке. С «Экспромтами» Шуберта я засыпала и просыпалась, ползала под её ногами, так что педали знаю и на ощупь, и на вкус. (Смеётся).

– Вы – ректор консерватории уже четырнадцать лет. Если бы тогда знали, сколько проблем свалится на вашу голову, заняли бы этот пост?

– Я и не хотела его занимать. Сначала Александр Якупов уговорил стать его заместителем, потом долго уговаривал быть ректором. Отпиралась, как могла, мечтая просто заниматься с учениками. Мне интересно с самой собой – настолько, что иногда хочется, чтобы вокруг только журчал, шелестело и чирикало. И больше ничего.

– У вас есть такой уголок?

– Да, шесть соток на Богатом острове. К сожалению, бывать там приходится всё реже, но там я поистине отдыхаю.

– Только не говорите, что своими пианистическими ручками садите морковку!

– Да, и обожаю это! Мой дед – агроном. В своё время я хотела стать геологом, потом строителем, особенно страстно мечтала быть электриком. Кстати, об имидже: мне настолько интересно жить, что никогда не заморочивалась идеей строить образ такого руководителя, преподавателя, исполнителя. Если просили – включалась и делала хорошо. Эта стабильность, надёжность и привели меня к тому, чем я занимаюсь. Хотя, думаю, это не моё. Хочется заниматься всем – а приходится сосредоточиваться на руководстве. Иногда кажется, что свою настоящую жизнь положила в холодильник, и вот она дожидается, когда я к ней вернусь. А порой кажется, что могу уже и не вернуться: ведь ты тоже меняешься, нет тех ярких ощущений, а работа засасывает, к тому же, она тоже очень интересная.

– Великий Ван Клиберн сказал: чтобы не потерять душевного русского музыкального искусства, столичные консерватории следовало бы перенести в провинцию.

– Это правда. С бывшим заместителем главы города Игорем Скрыпкинским мы организовали концерт Магнитогорской консерватории в столичном Храме Христа Спасителя, посвящённый 70-летию комбината. Нас сразу предупредили: не расстраивайтесь, если зал будет пуст – это Москва, пробки, людям не до искусства. Но зал на полторы тысячи зрителей был полон. Последней исполнили «Братья по судьбе» Пахмутовой, зрители стоя пели с нами и плакали. А потом подходили и говорили: «Столичные музыканты – это индустрия: собрались, отыграли, заработали, ушли. А вы – это душа». И это действительно так. Провинция с трепетом относится к искусству, служит ему. И по этой душевности слушатель очень соскучился.

– Чем живёт женщина Наталья Веремеенко, пока профессионал Наталья Веремеенко работает?

– Внуками. Сын Михаил подарил мне внучку Настю – ей двенадцать, и внука Влада – ему скоро одиннадцать. Моя любовь к ним – это сумасшествие. Помню, ехала на такси с Банного. Дорога длинная, разговорилась с водителем – здоровенным красавцем-башкиром. Он взахлёб рассказывал о своих детях, я – о внуках. И он выдал замечательную фразу: «Да, внуки – это вкуснее». Знаете, утро, понедельник, заседание ректората, все на взводе... И тут раздаётся звонок: «Баба, я каську всю скусяла» – Насте тогда было года три. И всё – полное блаженство, которого не испортит ничто. Ещё одно качество вы сами отметили: я человек благодарный, а умение радоваться малому тоже дарит счастье и лёгкость. Вот неблагодарным жить тяжелее – им всегда чего-то не хватает ☺

Умение радоваться малому тоже дарит счастье и лёгкость